

СИБИРСКИЙ ПОХОД ЕРМАКА: ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ 1581—1582 гг.

Впервые проблема, вынесенная в заголовок настоящей статьи, еще два с половиной столетия назад во всей своей сложности встала перед “отцом сибирской историографии” Г. Ф Миллером. С тех пор исследователи многократно обращались к ней, предложив в итоге несколько вариантов ее решения, что в свою очередь было обусловлено наличием в источниках ряда версий, каждая из которых по-своему изображала историю похода в Сибирь казачьей дружины Ермака.

Пожалуй, самым запутанным с источниковедческой точки зрения оказался вопрос о начале сибирской экспедиции. Так, ранние тексты сибирского происхождения — Синодик Ермаковым казакам, первая редакция которого была создана по инициативе тобольского архиепископа Киприана около 1622 г., и Основная редакция Есиповской летописи, появившаяся из-под пера тобольского архиепископского дьяка Саввы Есипова в 1636 г., — относят начало похода к осени 7089 (1580) г., а взятие столицы Кучумова “царства” Сибири — к 26 октября того же года¹. Эта датировка стала определяющей не только для летописных памятников есиповской традиции, но и для некоторых произведений московского происхождения, в т. ч. для хронологической повести “О победе на бесерменского сибирского царя Кучума...” (написана в конце 1620-х гг.), Нового летописца (составлен около 1630 г.) и Свода 1652 г.

Иной хронологии придерживается в этом вопросе автор Строгановской летописи. Основная редакция которой возникла, судя по всему, в 1630-х гг. в Сольвычегодске: Ермак и его товарищи появились в Приуралье по приглашению Строгановых летом 7087 (1579) г., прожили “в городках их два лета и месяца два”, 1 сентября 7090 (1581) г. отправились в поход, а 26 октября того же года овладели “градом Сибирью”².

В “Истории Сибирской” тобольского сына боярского Семена Ульяновича Ремезова, написанной на рубеже XVII—XVIII вв., утверждается, что после “воровства” в 7086—7087 (1578—1579) гг. “на усть Волги реки” казачья ватага Ермака ушла на Каму, где взяла “многие запасы у Строгановых” и двинулась за Урал. Добравшись до “Тагила реки... в лето 7088 году”, казаки остановились “в урочище речки Абугая” на зимовку. Таким образом, если следовать ремезовской хронологии, то получается, что поход должен был начаться в конце лета — начале осени 7087—7088 (1579) г. На следующий год ермаковцы вошли в Туру, воевали здесь летом с местным князем по имени Епанча, а 1 августа “взяша град Тюмень... и ту зимоваша”. Это, судя по всему, происходило в 7088 (1580) г. В мае 7089 (1581) г. они с боями

¹ ПСРЛ. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. С. 51—56, 380.

² Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 8—11, 16—17, 19—26.

двинулись дальше и только лишь 26 октября 7090 г. “внидоша во град Сибирь”³. Нетрудно заметить, что, как и в Строгановской летописи, начальный этап сибирской экспедиции Ермака охватывает у Ремезова период с лета 1579 г. по осень 1581 г., однако наполнен он совершенно иными событиями.

Включенная в состав ремезовской “Истории” “Летопись Сибирская краткая Кунгурская”, в основе которой, по мнению многих исследователей, лежат подлинные воспоминания участников событий, записанные на Урале, также растягивает начальный этап экспедиции на несколько лет. После грабежей “на Оке и Волге и на море” в 7085—7086 (1577—1578) гг., говорится здесь, Ермак “з донскими и еицкими” казаками в конце августа 7086 (1578) г. побегал, спасаясь от царских преследователей, “по Волге и по Каме вверх”. Пройдя далее в устье Чусовой, он 26 сентября свернул в Сылву и здесь зазимовал. В конце весны 7087 (1579) г. казаки вернулись на Чусовую, взяли у Максима Строганова “запас” и оружие и 12 июня продолжили свой путь вверх по Чусовой. Добравшись до Тагильского волока, они “на Бую городище зимовали”, а 13 июня отправились дальше. С этого места в Кунгурской летописи начинается явный хронологический сбой, ибо зимовка на Тагильском волоке происходит здесь, как и в Ремезовской летописи, все в том же 7087—7088 (1579) г., хотя, по логике вещей, речь должна идти уже о 7088—7089 (1580) г. Далее говорится, что к 1 августа 7087 (1579) г. ермаковцы прибыли к устью Тобола и разгромили “на Карачине озере” татар, после чего “восхотеша возвратиться вспять на Русь” и ушли на Тавду, воевали здесь до глубокой осени с вогулами и только к 8 ноября “приехали на Карачино”, где и зазимовали⁴. Следующий эпизод Кунгурской летописи относится уже к событиям похода на Белогорье, который датируется в ней весной 7090 (1582) г.⁵, из чего логически можно заключить, что “взятие Сибири” должно было произойти за несколько месяцев до этого, т. е. осенью 7090 (1581) г. Такая датировка совпадает с указаниями как Строгановской, так и Ремезовской летописей. А это в свою очередь позволяет высказать предположение, что сведения о зимовке на Тагильском волоке были включены в Кунгурскую летопись самим С. У. Ремезовым, забывшим при этом внести исправления в даты⁶.

В данном обзоре приведены далеко не все, а лишь наиболее часто привлекаемые историки летописные версии о начале похода Ермака в Сибирь. Между тем уже в начале прошлого века, с момента открытия первого (и, как оказалось, самого раннего) списка Основной редакции Строга-

³ ПЛДР. XVII век. Кн. 2 М., 1989. С. 550—559.

⁴ См.: ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 550—559. Данные Ремезовской и Кунгурской летописей положил в основу своих построений Г. Ф. Миллер (см. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 214—227 и след.). Позднее аналогичным образом поступали и другие ученые (см., например: Сергеев В. И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // ВИ. 1959. № 1. С. 117—129; Назаров В. Д. Зауральская эпопея XVI века // ВИ. 1969. № 12. С. 111—113; Толчий А. Т. К вопросу об освоении Сибири // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 397—402.

⁵ См.: ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 578—581.

⁶ Ср. в связи с этим наблюдения Р. Г. Скрынникова над текстами Ремезовской и Кунгурской летописей (Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 60—75), дающие основания утверждать, что первоначальный текст Кунгурской летописи был подвергнут С. У. Ремезовым основательной переработке.

новской летописи. ученым стал известен полный текст знаменитой “опальной” грамоты Ивана Грозного, отправленной Строгановым 16 ноября 7091 (1582) г., из которой, со слов чердынского воеводы Василия Пелепелицына, прямо следовало, что Строгановы “послали... из острошков своих волских атаманов и казаков Ермака с товарищи воевать вотяков и вогуличи и татар и Пельмские и Сибирские места 91 (1582. — *А. Ш.*) году сентября в 1 день (курсив мой. — *А. Ш.*), а в тот же день собрався Пельмской князь с сибирскими людьми и с вогуличи приходили войною на наши Пермские места и к городу к Чердыню и к острогу приступали...”⁷ Судя по тому, что эта грамота была адресована не только Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу Строгановым, владевшим землями в Прикамье, но и их дяде Семену Аникиевичу, ее отправили в Сольвычегодск. Именно здесь, в родовом архиве солепромышленников, эту грамоту нашел и включил в свое произведение автор Строгановской летописи. Оригинал самой сольвычегодской грамоты не сохранился, однако ее достоверность легко проверяется, ибо другая грамота, дошедшая до нас в подлиннике и аналогичная ей по содержанию, но адресованная только М. Я. и Н. Г. Строгановым и поэтому доставленная, очевидно, в их пермские вотчины, была обнаружена в строгановском архиве еще Г. Ф. Миллером и позднее опубликована⁸.

Возникает вопрос: почему же, располагая этим документом, автор Строгановской летописи передвинул дату начала похода Ермака в Сибирь на год раньше? Здесь может быть лишь одно объяснение: в сольвычегодском архиве он отыскал еще несколько царских грамот (некоторые из них сохранились и были позднее изданы⁹), в которых содержалась информация о том, что 1 сентября (“о Семени дни”) 7090 (1581) г. на пермские владения Строгановых напал пельмский князь и подверг их разорению. Ознакомившись с этими документами, летописец попросту соединил в своем рассказе два разных набега, 1581 и 1582 гг., посчитав их за один и тот же, причем ответ на вопрос, почему во время нападения пельмцев Прикамье, где, по его сведениям, находилась дружина Ермака, оказалась без защиты, он нашел в царской “опальной” грамоте. Не обратив внимание на разницу в датах, которые он тем не менее механически воспроизвел, летописец пришел к выводу, что к моменту прихода в 1581 г. пельмского князя ермаковцев “в городках” уже не было, ибо накануне “тоя же години послаша их Семен и Максим и Микита в Сибирскую землю на Сибирского салтана”¹⁰.

Со времен Н. М. Карамзина версия, изложенная в Строгановской летописи, стала едва ли не общепринятой. Правда, при этом остался нерешенным вопрос: как избежать противоречия в датах, относящихся к пельмскому набегу? Предлагалось, в частности, внести поправки в датировку и в текст “опальной” грамоты Ивана Грозного, т. е. читать везде не 7091, а

⁷ Сибирские летописи. С. 14. В Кунгурской летописи имеется вольный пересказ отрывка из “опальной” грамоты Ивана Грозного, очевидно, попавший сюда из Строгановской летописи через посредство фольклорной традиции (см.: ПЛДР. XVII век. Кн 2. С. 576).

⁸ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1 С. 218—219, 237—238, 342—343; ДАИ. Спб., 1846. Т. 1 С. 184—185; см. также: Копылов Д. И. Ермак. Иркутск, 1983 С. 232—234.

⁹ См., например: ДАИ. Т. 1. С. 183; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1 С. 341—342; Введенский А. А. Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924. С. 62—64; Копылов Д. И. Ермак. С. 230.

¹⁰ Сибирские летописи. С. 11—13.

7090 г. Высказывалось также мнение, что эта грамота была запоздалой реакцией на отписку в Москву чердынского воеводы В. И. Пелепелицына, который по каким-то причинам сообщил о событиях осени 1581 г. только лишь в 1582 г.¹¹ Позднее пелымские набеги с легкой руки А. А. Введенского стали представлять так: летом 1580 г. на строгановские владения обрушился со своими вогулами зауральский мурза Бегбелий Агтагов (о нем также рассказывается в Строгановской летописи, однако его нападение датируется здесь 22 июля 1581 г.¹²), а 1 сентября 1581 г., т. е. сразу же после того, как Ермак отправился в Сибирь, на Пермь Великую пришел с ратью пелымский князек Кихек¹³.

Сравнительно недавно Р. Г. Скрынников, опираясь на царские грамоты Строгановым и на данные Погодинского летописца (подробнее об этом произведении будет сказано ниже), пришел к выводу, что речь должна идти о двух разных нападениях на пермские земли — 1581 и 1582 гг. Первое из них возглавлял пелымский князь Аблегиризм, а второе — Алей, старший сын Кучума. Ермак же прибыл к Строгановым незадолго до второго набега¹⁴. У одних историков версия Р. Г. Скрынникова нашла поддержку¹⁵, другие отнеслись к ней критически¹⁶.

В связи с вышесказанным заслуживает внимания еще один источник, оказавшийся в контексте данных споров практически вне поля зрения ученых. Речь идет о т. н. Мисайло-Евтихьевской (Мисайло-Евтихьевской) летописи.

История ее текста является весьма непростой. В конце 1580-х гг. к работе над этим произведением приступил с благословения вологодского и великопермского архиепископа Антония (который занимал кафедру в 1582—1586 гг.) строитель Усть-Вымской Архангельской пустыни черный поп Мисаил. После его смерти летописные записи продолжал вести в начале XVII в. устьвымский благовещенский поп Евтихий, который делал это до 1619 г., пока “владыко Макарий вологодский [и] великопермский писати не велел малым попом и причтовым людям ни по что.” В дальнейшем летопись хранилась сначала в Усть-Выми, а потом в Окваде. В 1813 г. ее по распоряжению вологодского епископа Евгения отослали в Вологду, где она бесследно исчезла. Однако перед этим некий вологодский семинарист А. Шергин снял с летописи копию, которая в течение многих лет находилась сначала во Введенской церкви в Окваде, затем в частных руках, а с 1915 г. — в Усть-Вымской Благовещенской церкви. В 1927 г. эту копию обнаружил в Усть-Выми начинающий писатель и краевед П. Г. Доронин и сделал с нее список. Впоследствии шергинская копия также где-то затеря-

¹¹ См., например: *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Вып. 5. Пермь, 1894. С. 149—162.

¹² См.: *Сибирские летописи.* С. 9—10.

¹³ См.: *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962 С. 94—108; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 155—156.

¹⁴ См.: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция... С. 193—200. Впервые Р. Г. Скрынников обосновал эту версию в одной из своих статей еще в 1979 г. (см.: *Скрынников Р. Г.* Подготовка и начало сибирской экспедиции Ермака // *ВИ.* 1979. № 8. С. 44—56).

¹⁵ См.: *Копылов Д. И.* Ермак. С. 88—89, 216.

¹⁶ См.: *Преображенский А. А.* Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России: (По поводу книги Р. Г. Скрынникова “Сибирская экспедиция Ермака”) // *История СССР.* 1984. № 1. С. 101—118.

лась, а П. Г. Доронин спустя 30 лет подготовил текст летописи по своему списку к печати¹⁷.

Следует сразу же сказать, что Вычегодско-Вымская летопись содержит ряд уникальных известий. Некоторые из них поддаются проверке, другие же вызывают сомнения. Характерный пример — имеющееся здесь сообщение о том, что в 1451 г. “прислал князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду *вереиских князей* (курсив мой. — А. Ш.) Ермолая да за ним Ермолаем да сыном ево Василием правити пермской землей Вычегодскою; а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великия Пермь на Чердыню”¹⁸. Некоторые исследователи восприняли этот текст некритически, в результате чего в литературе, в т. ч. и в учебной, появилось утверждение, что в данном случае речь действительно идет о представителях удельных верейских князей¹⁹. Но, как справедливо заметил еще А. А. Зимин, «у верейского князя Михаила Андреевича никаких родичей Ермолая и “Ермоличей” не было²⁰. Этому известию противоречит и сама Вычегодско-Вымская летопись, где под 1462 г. говорится, что “владыко Иона добавне (дополнительно. — А. Ш.) крести Великую Пермь, постави им церкви и попы и *княжат Михайловых крести* (курсив мой. — А. Ш.)”²¹. Более того, в Типографской летописи, где содержится сходный эпизод, указывается, что Иона крестил “князя их”, т. е. самого Михаила Великопермского. А в устюжских летописях первой четверти XVI в., в рассказе о том, что Иван III в 1504 г. (в Вычегодско-Вымской летописи — Василий III в 1505 г.) “свел с Великия Перми вотчица князя Матвея Михайловича, а на его место послал князя Андрея Васильевича Ковра”, о последнем прямо говорится: “Сеи же бысть первым от русских князей”²². Учитывая сложную историю текста Вычегодско-Вымской летописи, можно предположить, что либо в ее протографе было другое слово (например, “еренских”), которое черный поп Мисаил прочитал как “вереиских”, либо позднее подобную ошибку в отношении его текста допустил один из переписчиков летописи. В любом случае, более правильной является традиционная версия о том, что вымские и великопермские князья происходили из местной родоплеменной знати и никаких родственных отношений с домом Ивана Калиты не имели.

Один из основных источников уникальных сведений анализируемого памятника с большей или меньшей степенью вероятности можно устано-

¹⁷ См.: Доронин П. Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958 г. С. 157—171; переиздание памятника, осуществленное И. Л. Жеребцовым, см.: Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись (далее ВВЛ) // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 23—34.

¹⁸ ВВЛ. С. 26.

¹⁹ См.: например: Давыдов В. Н. Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977. С. 12—13; История Урала... С. 146; Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 74—75; Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века: Учеб. пособие. Пермь, 1995. С. 92, 98.

²⁰ Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 143—144.

²¹ ВВЛ. С. 26.

²² ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI—XVII вв. С. 52, 99.

вить. Так, Б. Н. Флоря, посвятивший специальное исследование ранним (до начала XVI в.) известиям Вычегодско-Вымской летописи (он называет ее Коми-Вымской), пришел к выводу, что помимо источников, на которые указал первый из ее составителей, Мисаил (великокняжеские и царские грамоты, хранившиеся в “ларцах” Усть-Вымской Архангельской пустыни; грамоты, которые он “распытал” в Вологде “на приказе” у архиепископа: “жития” пермских епископов Стефана, Герасима, Питирима и Ионы), к составлению произведения привлекались ранний список Устюжского летописного свода, возможно, Никоновский летописный свод и недошедшая до нас Пермская владычная летопись, отразившаяся также в Вологодско-Пермской летописи²³. При этом, по наблюдениям Б. Н. Флоры, сведения Пермской владычной летописи в процессе работы над Вычегодско-Вымской летописью, “вероятно, подвергались искажениям и были сильно сокращены, а местные названия подновлены”²⁴.

В связи с этим можно предположить, что Пермская владычная летопись, которая, по мнению М. Н. Тихомирова²⁵, велась в Усть-Выми при епископе Филофее (занимал кафедру в 1472—1501 гг.), была продолжена и в последующее время. И хотя в 1564 г. резиденцию пермского владыки перевели в Вологду, летописная традиция в Усть-Выми, по всей видимости, не прерывалась вплоть до 1586г., т. е. до того времени, когда эту эстафету принял черный поп Мисаил, приступивший к составлению своей собственной летописи. Работая над ней, он в качестве одного из источников использовал не только Пермскую владычную летопись, охватывавшую события XII — начала XVI в., но и ее продолжение. Именно отсюда, очевидно, попали в Вычегодско-Вымскую летопись три статьи, о которых следует сказать особо.

В первой из них говорится, что в 1558 г. “пожаловал князь великий Григорья да Максима детей Аникиевых Строганова (здесь и далее курсив мой. — А. Ш.) вотчиною на отхожие земли Великие Пермь на *сто верст* по обе стороны Камы реки и велел им горотки строити, варницы ставити, соль варити, слободы копить на государя”²⁶. Между тем в жалованной грамоте Ивана Грозного от 4 апреля 1558 г. говорится не о 100, а о 88 верстах, да и давалась она одному лишь Григорию Аникиевичу²⁷. Откуда в летописи взялся загадочный Максим Аникиевич — неизвестно, ибо у Григория было только два брата, Яков и Семен, а его племяннику, Максиму Яковлевичу, исполнилось в 1558 г. всего два года²⁸.

²³ См.: Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 218—231.

²⁴ Там же С. 231.

²⁵ См.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 137—155.

²⁶ ВВЛ. С. 29.

²⁷ Текст этой грамоты, дошедшей до нас в списке 1564 г., неоднократно издавался (см.: ДАИ. Т. 1. С. 168—170; Шишонко В. Н. Пермская летопись. Первый период. Пермь 1881. С. 51—51; Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1892. Вып. 4. С. 106—109; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 332—335); ее содержание кратко пересказывается также в Строгановской летописи (см.: Сибирские летописи. С. 2—3).

²⁸ См.: Мудрова Н. А. Родительские летописцы строгановских синодиков как источник по генеалогии Строгановых // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 295.

“Лета 7081 (1573. — А. Ш.), — говорится во второй статье, — пришедшу ратью на Пермь Великую Маметкул сын Сибирского царя, *города и повосты* (курсив мой. — А. Ш.) пограбил и пожегл”²⁹. Об этом же событии рассказывается в другой жалованной грамоте Ивана Грозного, данной Якову и Григорию Строгановым 30 мая 1547 г. где, со слов солепромышленников, рисуется несколько иная картина: “а в 81-м (1573. — А. Ш.) году о Ильине дни с Тобола де приходил Сибирского салтана брат Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывать, куда идти ратью в Пермь, да многих де наших данных остяков побили, а жены их и дети в полон повели, а посланника нашего Третьяка Чебукова и служилых татар, кое шли в Казатцкую орду, Сибирской же побил; а до их де (Строгановых. — А. Ш.) острогу, где за ними наше жалованье, промыслы их, Сибирский не доходил за 5-ть верст”³⁰. Следовательно, русское население Перми Великой набег Маметкула не затронул.

Наконец, третья статья, имеющая непосредственное отношение к нашей теме, выглядит в Вычегодско-Вымской летописи следующим образом: “Лета 7089 (1581. — А. Ш.) пришедшу *сибирский царь* (здесь и далее курсив мой. — А. Ш.) с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строгановых пограбил. Того же лета *пелынский князь Кикек* пришедшу с *татары*, башкирцы, югорцы, вогуличи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повосты Койгород и Волосенцы пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял. Того же лета снарядиша *Максим да Григорей Строгановы* казацких ватаманов а с ними охотчие люди Сибирскую землю воевати и шедшу тое казаки за *единолет* всю Сибирскую повоевали, за князя великого привели”³¹.

Устанавливая достоверность этих сведений, обратимся для начала к деталям. Во-первых, пелымский князь назван здесь по имени Кикек. Сходное написание этого имени (в форме “Кихек”) отразилось в поздней соликамской летописной традиции³². При этом оно оказалось включенным в соответствующий рассказ, позаимствованный в сокращенном виде из Строгановской летописи, где имя пелымского князя с самого начала отсутствовало³³. Из соликамских источников этот рассказ перекочевал в летописную компиляцию В. Н. Верха и в “Пермскую летопись” В. Н. Шишонко³⁴. В ре-

²⁹ ВВЛ. С. 29.

³⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 39. Пересказ этой грамоты в Строгановский летописи разнится в деталях: Маметкул называется здесь сыном Кучума; Третьяк Чебуков шел “под Казань в Казанскую орду”; татары не дошли 5 верст “до Чусовских городков” и повернули назад, узнав от русских “полонеников” о том, что “в городках” их ждет сильный отряд ратников, и т. д. (Сибирские летописи. С. 6—8). Это наводит на мысль о том, что, как и в случае с “опальной” грамотой, в руках автора Строгановский летописи находился другой вариант грамоты (от 30 мая 1547 г.), посланный Семену Аникиевичу Строганову в Сольвычегодск.

³¹ ВВЛ. С. 29.

³² См.: Бруцкая Л. А. Летопись Богоявленской церкви Соли Камской // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 74—85.

³³ Ср.: Сибирские летописи. С. 11—13.

³⁴ См.: Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. Спб., 1821. С. 204; Шишонко В. Н. Пермская летопись. Период первый. С. 98.

зультате имя Кихека прочно вошло в историографию, хотя из документов конца XVI в. уже давным-давно было известно, что на самом деле пелымского князя звали Аблегиримом³⁵. Иногда Аблегирима по недоразумению путают с Аблегаиром (Абу-л-Хайром), сыном Кучума, попавшим в русский плен в 1591 г. «Откуда авторы “соликамских известий” взяли сведения о Кихеке, — пишет по этому поводу Р. Г. Скрынников, — остается неизвестным»³⁶.

Теперь, кажется, этот источник установлен, ибо за два столетия Вычегодско-Вымскую летопись наверняка читали, вследствие чего имя пелымского князя попало сначала в устную, а затем в письменную традицию. Но каким образом “Кихек” появился в самой летописи? Если изначально вывести из-под подозрения вологодского семинариста А. Шергина и писателя-краеоведа П. Г. Доронина, имевших отношение к истории ее текста, то единственным “творцом” данного имени мог быть только сам черный поп Мисаил, сделавший это в процессе переработки и сокращения фактов, изложенных в продолжении Пермской владычной летописи. Здесь, по всей видимости, произошел классический случай “подпоручика Кихе”: под пером Мисаила в “Кихека” превратилось неверно истолкованное относительное местоимение в значении “который” типа “иже”, “сый же” и т. п., читавшееся, судя по конструкции фразы, в протографе³⁷.

Другой явной ошибкой в статье Вычегодско-Вымской летописи о событиях 1581 г. является упоминание имени Григория Строганова, который вместе с Максимом якобы “снаряжал” казачью экспедицию в Сибирь. Известно, что Григорий Аникиевич Строганов умер 5 ноября 1577 г.³⁸ К ермаковскому же походу, помимо Максима Яковлевича и, как сообщает Строгановская летопись, Семена Аникиевича, был, по некоторым сведениям, причастен Никита, сын и наследник Григория Аникиевича. Если при этом вспомнить статью 1558 г., то можно сделать вывод: черному попу Мисаилу были известны по именам только два представителя фамилии Строгановых — Григорий и Максим, которых он к месту и не к месту вставлял в свою летопись.

Вместе с тем, в отличие от Строгановской, Вычегодско-Вымская летопись, не зная о выступлении Бегбелая Агтагова, вполне определенно называет не один, а два набега в Прикамье, хотя и относит их, равно как и поход за Урал “казацких ватаманов”, к одному и тому же 7089 (1581) г. Любопытно, что один из набегов возглавляет, по летописи, “сибирский царь”.

³⁵ Так, в частности, пелымский князь именуется в царском наказе, данном в декабре 1592 г. кн. П. И. Горчакову (см.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 347—348).

³⁶ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция... С. 80.

³⁷ Характерный прием превращения неправильно прочитанных слов в имя собственное встречается в аналогичном эпизоде в т. н. Бузуновском летописце, сохранившемся в двух списках. Более поздний из них (рубежа XVIII—XIX вв.) дает правильное чтение: “И в то число в Строгановы городки и водчины по Чюсовой и по Каме рекам пришел волно из *Вогуличь* (здесь и далее курсив мой. — А. Ш.) Пелымский князь во многом собрании” (Сибирские летописи. С. 297). В раннем же списке (середины XVIII в.) этот текст читается так: “И в то число в Строгановы городки и вотчины по Чюсовой и по Каме рекам пришел войною Изводинчъ, пелымский князь, во многом собрании войску” (Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 196).

³⁸ См.: Мудрова Н. А. Родительские летописцы... С. 295.

а другой — “пелымский князь”. Заслуживает также внимания имеющееся здесь указание на то, что казаки завоевали Сибирь “за единолет”.

Нетрудно заметить, что автор этой статьи (а им, очевидно, является все тот же Мисаил, “творчески” переработавший какие-то сведения, содержащиеся в продолжении Пермской владычной летописи) по неизвестным причинам переставил местами руководителей походов, в результате чего у “сибирского царя” не оказалось в войске татар, зато “пелымский князь” пришел “с тотары, башкирцы, югорцы” и лишь в последнюю очередь с “вогуличи”. Если сделать обратную перестановку и развести во время набега (“пелымский” отнести к 1581 г., а “сибирский” — к 1582 г.), приурочив к последнему поход Ермака, то мы получим версию, близкую той, которая выстраивается на основе царских грамот 1581—1582 гг., адресованных Строгановым.

Независимо от этих документов подобной же хронологии и последовательности событий придерживается еще один нарративный источник — т. н. Погодинский летописец, дошедший до нас в единственном списке конца XVII в. Со времени первого издания его текста в 1907 г.³⁹ этот памятник сибирского летописания, содержащий уникальные сведения о походе Ермака, считался исследователями позднейшей переработкой Есиповской летописи⁴⁰. С этим мнением согласился также Р. Г. Скрынников, выдвинувший предположение о том, что текст летописца был составлен в конце XVII в. московским книжником, имевшим доступ к архиву Посольского приказа, откуда он и позаимствовал ряд фактов о сибирской экспедиции⁴¹. Однако текстологическое исследование памятника, проведенное Е. К. Ромодановской, позволило ей сделать вывод о том, что Погодинский летописец восходит к раннему протографу, предшествовавшему Есиповской летописи. Им являлось т. н. казачье “Написание”, переданное около 1622 г. первому тобольскому архиепископу Киприану оставшимися в живых ермаковцами. Автором этого протографа, по предположению Е. К. Ромодановской, был участник сибирского похода Черкас Александров (Иван Александров сын Корсак по прозвищу Черкас)⁴².

Дополнительные изыскания в этом направлении, произведенные автором данных строк, в целом подтвердили, а кое в чем уточнили гипотезу Е. К. Ромодановской. Как удалось установить, текст Погодинского летописца через посредство своего протографа, появившегося после 1636 г., восходит к “Повести летописной”, созданной около 1601 г. головой тобольских юртовских татар Черкасом Александровым, очевидцем и участником похода Ермака в Сибирь. С этой же “Повестью” оказались генетически

³⁹ См.: Сибирские летописи. С. XXVIII, 271—295; текст Погодинского летописца публиковался еще дважды: ПСРЛ. Т. 36. С. 19, 129—137 (дальнейшие ссылки на него по этому изданию см. в скобках в тексте — Пог.); Летописи сибирские. С. 57—104 (здесь же приведен параллельный перевод, выполненный Е. И. Дергачевой-Скоп).

⁴⁰ См.: *Дворецкая Н. А.* Археологический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13 С. 487, 481; *Дергачева-Скоп Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965. С. 123—134; *Резун Д. Я.* У истоков историографии сибирского города XVII в. // Изв. Сиб. отд-я АН СССР. 1975. № 1. Сер. обществ. наук. Вып. 1. С. 95—96; и др.

⁴¹ См.: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция... С. 37—60.

⁴² См.: *Ромодановская Е. К.* Погодинский летописец: (К вопросу о начале сибирского летописания // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 18—59.

связанными не только сибирские и приуральские произведения (Синодик Ермаковым казакам, Есиповская и Строгановская летописи), но и памятники общерусского летописания XVII в., в том числе хронографическая повесть “О победе на бесерменского сибирского царя Кучума...”, Новый летописец и Свод 1652 г.⁴³

Таким образом, за вычетом позднейших редакторских наслоений, которые легко вычлениаются, текст Погодинского летописца является на сегодняшний день наиболее надежным источником по изучаемой теме. Опираясь на него, можно реконструировать хронологию и последовательность событий, содержащихся в “Повести летописной” Черкаса Александрова. Эта реконструкция, дополненная данными других источников, позволяет выстроить следующую версию сибирского похода Ермака.

В 20-х числах июля 1581 г. в строгановских владениях начался вогульский мятеж, возглавляемый Бегбелием Агтаговым. Его участники, “приидоша под Чюсовские городки и под Сылвенский острожек⁴⁴, стали разорять их окрестности, но вскоре были разбиты. Это выступление явилось лишь одним из звеньев в цепи событий, развернувшихся на восточных окраинах Московского государства, к которым, очевидно, был причастен сибирский хан Кучум: в Среднем Поволжье заволновались “луговые” и “горные” черемисы, связь с которыми поддерживал ногайский князь Урус⁴⁵, а в конце лета того же 1581 г., пройдя через “Камень” старой сибирской дорогой по Лозье и Вишере, в Приуралье вторгся вассал сибирского “царя” пелымский князь Аблегирим⁴⁶. Его путь, отмеченный погромами, точно фиксируется челобитной С. А. и М. Я. Строгановых, сохранившейся в изложении грамоты Ивана Грозного от 20 декабря 1581 г.: “ныне деи девятого (7090. — А. Ш.) году о Семени дни (1 сентября. — А. Ш.) приходил Пелымский князь ратью, а с ним людей семьсот человек, их де слободки на Койве, и на Обве, и на Яйве, и на Чюсовой, и на Сылве деревни все выжгли, и людей и крестьян побили, жон и детей в полон поимали, и лошади и животину отогнали”⁴⁷. Судя по царской грамоте, посланной 6 ноября 1581 г. Н. Г. Строганову, в сентябре “Пелымский князь с вогуличи” все еще стоял “около Чюсовского острогу”⁴⁸.

В том же 7089 (1581) г., сообщает Погодинский летописец, Бог “посла” казаков “победити царя Кучюма” (Пог. С. 130). События, которые этому

⁴³ См.: *Шашков А. Т.* Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 116—161.

⁴⁴ Сибирские летописи. С. 9—10. Об этих же событиях говорится в царской грамоте от 20 декабря 1581 г.: “Били нам челом Семен Оникеев сын да Максим Яковлев сын Строгановы, а сказали: в прошлом деи восемьдесят девятом (летом 1581 г. — А. Ш.) году воевали их слободы Чюсовую да Сылву чюсовские вогуличи” (*Введенский А. А.* Торговый дом... С. 62).

⁴⁵ См.: *Копылов Д. И.* Ермак. С. 41.

⁴⁶ Как свидетельствует Погодинский летописец, “пелымский князь Аплыгарым” воевал “Пермь Великую” за год до прихода “на Чюсовую” Кучумова сына Алея, причем произошло это в то же самое лето,” когда ермаковцы отправились с Яика в Приуралье, т. е. в 7089 (1581) г. (Пог. С. 130).

⁴⁷ *Введенский А. А.* Торговый дом... С. 62.

⁴⁸ См.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 341.

предшествовали, хорошо известны. В середине июля 1581 г. царский посол В. И. Пелепелицын, находившийся в Ногайской орде у князя Уруса, отправился в сопровождении ногайского посольства с охраной из 300 всадников и торгового каравана бухарских купцов—"ордобазарцев" в Москву. В первых числах августа на переправе через Волгу под Сосновым островом (в районе р. Самары) все они попали в засаду и подверглись разгрому. В нападении принимали участие "казаки Иван Кольцо, да Богдан Борбоша, да Микита Пан, да Сава Волдыря с товарищи"⁴⁹. Этот же погром упоминается со слов чердынского воеводы В. И. Пелепелицына — бывшего посла, ограбленного "ворами", — и в "опальной" царской грамоте от 16 ноября 1582 г.: "А те атаманы и казаки (отправившиеся "воевати... Сибирские места". — *А. Ш.*) преж того ссорили нас с Нагайскою ордою, послов нагайских на Волге на перевозах побивали, и ордобазарцев грабили и побивали, и нашим людям многие грабежи и убытки чинили"⁵⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что в перечне "воровских" атаманов, нападавших на ногайско-русское посольство, нет имени Ермака. Р. Г. Скрынников нашел этому следующее объяснение: с лета 1581 г. по весну 1582 г. он воевал со своей станицей на фронтах Ливонской войны, после чего соединился на Яике с волжскими казаками, громившими ранее посольство. Отсюда, приняв предложение М. Я. Строганова о службе в его вотчинах, дружина Ермака отправилась в Приуралье⁵¹.

Если в самом деле верна версия о том, что "Ермак Тимофеевич, атаман казацкий", упомянутый в письме польского коменданта П. Стравинского в числе тех, кто находился в составе русской рати под Могилевым в конце июня 1581 г.⁵², и покоритель Сибири Ермак Тимофеев по прозвищу Токмак (см.: Пог. С. 130) — это один и тот же человек, то, учитывая хронологию Погодинского летописца, события кануна сибирской экспедиции можно представить несколько по-иному.

Летом 1580 г. Ермак и его товарищи "отогнали с Волги тысячу лошадей", принадлежавших ногайскому мурзе Урмагмету, убив при этом его "карачая Батугай-баатыря". Весной 1581 г., готовясь к походу на западный театр военных действий, казаки Ермака угнали у того же мурзы еще 60 лошадей⁵³. 25 июня 1581 г. русский корпус под командованием воеводы кн. М. П. Катырева-Ростовского, в составе которого находился и ермаковский отряд, переправился в район Могилева и Орши через Днепр. Уже к августу 1581 г. военные действия здесь в основном закончились, а полкам было "велено быти во Ржеве"⁵⁴.

⁴⁹ См.: Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция... С. 141—142, 167.

⁵⁰ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири Т. 1. С. 342; ср.: Сибирские летописи. С. 14—15.

⁵¹ См.: Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция... С. 179—183.

⁵² См.: [Коялович М.] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581—1582). Спб., 1877. С. 253.

⁵³ См.: Сергеев В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 29—30.

⁵⁴ См.: Разрядная книга 1457—1598 гг. М., 1966. С. 315—316; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1975. С. 322—324.

Между тем в начале мая того же 1581 г. московским властям стало известно о нападении на русские владения не только крымских и азовских, но также и ногайских татар. В ответ на эти предательские действия со стороны князя Уруса, “Урмагметя-мурзы и других мурз” правительство Ивана Грозного фактически предоставило волжским казакам свободу действий в отношении ногайцев. В результате казацкой вольницей, в которую входили И. Кольцо и его товарищи, в конце июня — начале июля 1581 г. был сожжен и разграблен Сарайчик — столица Ногайской орды, располагавшаяся в низовьях Яика⁵⁵. Одновременно против татар, грабивших русские земли, были направлены воинские части. Очевидно, одной из них являлась и конная станица Ермака, перебросенная с западных границ в Поволжье. В середине августа 1581 г., преследуя ногайский отряд из 600 человек, уходивший с добычей из-под Темникова и Алатыря⁵⁶, ермаковцы вышли к волжской переправе под Сосновым островом, где все еще находилась ватага “вольных”, казаков, разгромивших накануне ногайско-русское посольство. Зажатые с двух сторон, ногайцы были разбиты⁵⁷. Вероятно, некоторые из них сумели вырваться из окружения и ушли на Яик. Объединенный отряд казаков верхом на конях бросился за ними в погоню.

Добравшись до Яика, казаки стали решать вопрос: что делать дальше? Было ясно, что московское правительство не простит им ограбленного на Волге посольства. После долгих споров часть отряда во главе с атаманом Богданом Борбошей осталась в районе Яика, а остальные 540 человек, в т. ч. атаманы Иван Кольцо, Никита Пан, Матвей Мещеряк, Яков Михайлов и Савва Болдыря, решили вместе с Ермаком уйти в Приуралье. Был конец августа, заканчивался 7089 (1581) г., и казаки это хорошо запомнили⁵⁸.

Как сообщает Погодинский летописец, с Яика ермаковцы перебрались к верховьям Иргиза, а оттуда вышли к Волге (см. Пог. С. 130). Судя по всему, этот путь они проделали на конях. Уже на Волге казаки пересели в струги, спрятанные на одной из тайных пристаней (возможно, в районе того же Соснового острова), и двинулись вверх по реке, “а из Волги в Каму реку и Камою рекою вверх же” (Там же). Достигнув устья р. Чусовой, свернули на Сылву (по Кунгурской летописи, это произошло, как уже упоминалось выше, 26 сентября), где, очевидно, столкнулись с арьергардом Аблегирима и нанесли ему поражение. Отголоски этих событий отразились позднее в рассказах о боях ермаковцев с вогулами в самом начале их похода в Сибирь, которые читаются в хронографической повести “О победе на бесерменского сибирского царя Кучума...”, в Строгановской летописи, в Лихачевской редакции Еписовской летописи, в Бузуновском летописце и т. д.⁵⁹ Наступление зимы казаки встретили в укрепленном лагере на Сылве.

⁵⁵ См.: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция... С. 139—141.

⁵⁶ Ср.: Там же. С. 142.

⁵⁷ Как сообщает Погодинский летописец, казаки не только “пограбили на Волге государеву казну”, но и “погромили ногайских татар” (Пог. С. 130).

⁵⁸ Ср. известие Кунгурской летописи о том, что именно “августа з 29 числа” казаки “здумали бежать в Сибирь” (ПЛДР. XVII в. Кн. 2. С. 575).

⁵⁹ См.: Летописи сибирские. С. 40, 196; Сибирские летописи. С. 9—10, 297; ПСРЛ. Т. 36. С. 120.

Единственным письменным источником, сообщающим о зимовке ермаковцев в этих местах, является Кунгурская летопись, в которой говорится: "...и погребли по Сылве вверх и в замороз дошли до урочища, Ермакова городища ныне словет; и идучи у жителей обирали хлебы и запасы и тут зимовали, и по за Камени вогуличь воевали и обогатели, а хлебом кормились от Максима Строганова. И в поход ходиша на вогуличей 300 человек и возвратишася з богатством в дома своя и на подъем в Сибирь и к тому приправиша вдоволь легких струг с припасы"⁶⁰.

Правдоподобность этого рассказа подтверждается следующими фактами. В сентябре 1581 г., когда воины пелымского князя еще стояли "около Чюсовского острогу", С. А. и М. Я. Строгановы просили царя "их пожаловать, велети им дати ратных людей с Перми Великие"⁶¹. А спустя месяц или полтора они обратились к нему уже за разрешением набрать "охочих людей" в их вотчинную армию. При этом из контекста их челобитной даже в изложении царской грамоты становится ясно, что они имели в виду какой-то реальный воинский контингент, который собирались использовать в войне против вогулов: "Семен деи да Максим *охочих казаков и своими людьями* (курсив мой. — А. Ш.) на вогульские улусы без нашего указу войной приходить не смеют". Это наводит на мысль о том, что Строгановым требовалась лишь формальная санкция сверху, которая позволила бы им полулегально взять на службу находящихся в розыске "воров", волею случая оказавшихся на Сылве. Зная крутой нрав царя, солепромышленники прекрасно осознавали рискованность данного предприятия и поэтому лукаво умолчали о том, кого они решили привлечь для обороны своих владений. В итоге Строгановы добились своего: грамотой от 20 декабря 1581 г., адресованной пермским и соликамским старостам и целовальникам, всем земским "охочим людям" разрешалось идти "на их наем". "А которые вогуличи на их (Строгановых. — А. Ш.) остроги войною приходят и задоры чинят, — говорилось в той же грамоте, — и на тех бы вогулич приходили, и над ними промысля... войною издосадити, и вперед им (вогуличам. — А. Ш.) неповадно [было] воровать". Разрешая военные действия против вогулов, московское правительство выдвигало при этом лишь одно условие — не спровоцировать в результате подобных акций большой войны в Приуралье⁶².

Между тем в декабре 1581 г. в Чердынъ прибыл новый воевода В. И. Пелепелицын, сменивший на этой должности кн. И. М. Елецкого. Вскоре до него стали доходить известия о том, что делалось в строгановских вотчинах, но воевода до поры до времени предпочитал об этом молчать, не желая ссориться с могущественными соседями даже из-за обид и оскорблений, нанесенных ему казаками на волжской переправе. Однако, когда в конце лета — начале осени 1582 г. Пермский край оказался-таки охваченным пламенем большой войны, В. И. Пелепелицын, пытаясь выгородить себя, припомнил все. "И то (набег сибирско-пелымской рати. — А. Ш.) зделалось вашею изменою, — выговаривалось Строгановым со слов его отписки в "опальной" грамоте, — вы вогуличь и вотяков и пелымцев от наше-

⁶⁰ ПЛДР. XVII в. Кн. 2 С. 575. Зимовка Ермака на Сылве отразилась также в местных преданиях (см.: *Блажес В. В.* Ермаковские предания XVII в. в составе Кунгурской летописи // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971 С. 42—45.

⁶¹ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1 С. 341.

⁶² См.: *Введенский А. А.* Торговый дом... С. 63—64.

го жалованья отвели, и их задирали и войною на них приходили (здесь и далее курсив мой. — А. Ш.), да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас, а волжских атаманов (которые, как следует из контекста грамоты, и осуществляли эти действия. — А. Ш.), к себе призвав, воров наняли в свои остроги без нашего указу”⁶³.

Но все это будет позднее. А пока ермаковцы совершали из своего сылвенского лагеря зимние рейды по “вогульским улусам”, не очень-то заботясь об их последствиях. В то же время Строгановы, получившие в конце января — начале февраля 1582 г. разрешение царя на набор в свою вотчинную армию “охочих людей”, все еще откладывали окончательное заключение договора с Ермаком и его дружиной о службе. Решились они на этот шаг только весной.

“В лето 7087 (1579. — А. Ш.) году, — говорится в Строгановской летописи, — *априля в 6 день* (здесь и далее курсив мой. — А. Ш.), слышаху бо сия Семен и Максим и Никита Строгановы от достоверных людей о буйстве и храбрости поволжских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с товарищи, *како на Волге на перевозех Нагайцев побивают и Ардобазарцев грабят и побивают*”, и послали к ним “людей своих с писанием и з дары многими”, приглашая казаков “в Чюсовские городки и в острожки на спомоганье им”⁶⁴. Судя по всему, летописец сконструировал это известие из разных источников. Так, указание на приход ермаковцев “с великие реки Волги”, читающееся в заголовке данной статьи, восходит, очевидно, к летописному протографу, а сведения о казачьих “подвигах” явно позаимствованы из “опальной” царской грамоты 1582 г. Откуда взялась первая часть даты (7087), неизвестно. Зато вторая ее часть (6 апреля) имеет, скорее всего, какую-то документальную основу. Заслуживает также внимания дата прихода “Ермака Тимофеева с товарищи в Чюсовские городки”, помещенная в следующей статье: “июня в 28 день, на память святых чудотворец и безсребреник Кира и Иоанна”⁶⁵.

Согласно Кунгуровской летописи, уход дружины Ермака из лагеря на Сылве произошел примерно в это же время: “И мая в 9 день доспели обещанием часовню на городище том во имя Николы чудотворца. Овии же поплыша с Ермаком вниз по Сылве до усть Чюсовой, овии ж остася на городищи том с женами и з детьми, вечно оселишася”⁶⁶. А перед 12 или 13 июня казаки уже забирали у Маскима Строганова в Нижнечусовском городке запасы и оружие. Очевидно, летом 1582 г. Ермак побывал также в Орле-городке (Кергедане) — столице камских владений Н. Г. Строганова. Свидетельством этого является скопированная в XIX в. надпись на стволе утерянной впоследствии затинной пищали: “В граде Кергедане на реце Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 7090 (1582. — А. Ш.)”⁶⁷.

⁶³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 342.

⁶⁴ Сибирские летописи. С. 8.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ПЛДР. XVII век. Т. 2. С. 575—577.

⁶⁷ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция... С. 162—163. О пребывании ермаковцев во владениях Н. Г. Строганова сообщается также в Лихачевской редакции Есиповской летописи и в “Истории Сибирской” С. У. Ремезова (см.: ПСРЛ. Т. 36. С. 120; ПЛДР. XVII в. Кн. 2 С. 551).

Во время зимних рейдов на становища воголов ермаковцы собрали немало информации о землях, находившихся за “Камнем”. Многие им также рассказывали Строгановы и их люди. В результате на конец лета был запланирован поход на Пелымское княжество, суливший богатую добычу⁶⁸. Июль 1582 г. прошел в сборах, а в августе, в самый канун казачьей экспедиции, “Кучюмов сын Алей пришел войною на Чюсовую”. Нападение было совершено через т. н. Тюменский волок близ Сылвы с выходом на строгановские городки. Вместе с Алеем в набеге участвовал и пелымский князь Аблегирим, жаждавший реванша. Поскольку ермаковцы “Чюсовой сибирским повоевать не дали” (Пог. С 130), татарско-пелымская рать двинулась дальше, разоряя по дороге русские поселения по Каме, сожгла Соль Камскую, а 1 сентября 1582 г. осадила Чердынь. После неудачной попытки взять столицу Перми Великой “окаяннии”, по свидетельству Строгановской летописи, “поидоша под Кай городок, и ту велию пакость учиниша”⁶⁹. О том, что неприятель “вымские повосты Кайгород и Волосенцу пожегл”, сообщает, как уже говорилось выше, и Вычегодско-Вымская летопись. В это время дружина Ермака, отразившая нападение воинства Алея на Нижнечусовской острог и тем самым выполнившая свои обязательства перед М. Я. Строгановым, переменила свои планы в отношении похода на Пелым. “И с тех мест, — вспоминал Черкас Александров, — учили оне, Ермак с товарищи, мыслить и збираться, как бы им доитти до Сибирской земли до царя Кучюма” (Пог. С. 130). Не позднее середины августа того же 1582 г. они отправились вверх по Чусовой, прокладывая свой собственный путь за Урал. Как и в случае с разгромом Сарайчика, волжские казаки решили ответить ударом на удар. А посему главной их целью стала теперь Сибирь — столица “царя Кучюма”.

Из Чусовой ермаковцы повернули в устье р. Серебрянки, что “пришла от Сибирские страны в Чюсовую реку с правой стороны”. Поднявшись по ней, они 25-верстным волоком через перевал “суды на себе волочили” до р. Баранчи и уже по ней поплыли, не останавливаясь, “вниз в реку в Тагил”, впадающую в Туру (Там же).

Так начался стремительный и дерзкий поход казачьего отряда Ермака Тимофеевича в Сибирь. Предшествовавшие ему события (погром ногайско-русского посольства на Волге, уход дружины Ермака с Яика через Ир-гиз, Волгу и Каму в Приуралье, зимовка на Сылве, приглашение ермаковцев Строгановыми на службу для обороны своих владений от вогольских набегов, подготовка пелымской экспедиции и, наконец, отпор, данный войнству Алея и Аблегирима на Чусовой) свидетельствуют о том, что главными инициаторами этого похода были не Строгановы и уж тем более не государство, а сами казаки, привыкшие действовать по обстоятельствам. У них не было ни времени, ни возможности двигаться медленно, “с искусом”, зимовать на Тагильском волоке или же на Туре. С самого начала это был типичный разбойничий набег (“с возвратом здумали бежать в Сибирь раз-

⁶⁸ О подготовке этой экспедиции знал чердынский воевода В. И. Пелепелицын. Не случайно в своей отписке царю он сообщал, что в тот момент, когда татарско-пелымская рать осадила Чердынь, Строгановы “послали... из острогов своих волжских атаманов и казаков Ермака с товарищи воевати вотяки и воголичи и Пелынские и Сибирские места” (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 342).

⁶⁹ Сибирские летописи. С. 12.

бывать”)⁷⁰, который неожиданно для самих казаков привел к крушению грозного Сибирского “царства” и в силу различных обстоятельств затянулся впоследствии на целых три года.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИ — Вопросы истории
ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией.
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Российской Академии наук).

В. А. Кузьмин

СТРАНИЦЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. А. ХАКИМОВА

Керим Абдрауфович Хакимов — советский дипломат, ставший первым полномочным представителем СССР в Саудовской Аравии, — пал жертвой сталинских репрессий в конце 30-х гг. Несмотря на полную реабилитацию Хакимова решением военной коллегии Верховного Суда СССР в 1956 г., его имя затем снова надолго почти перестало упоминаться в печати, в научной литературе. Биографическая справка на фамилию “Хакимов” отсутствовала в первых трех изданиях “Дипломатического словаря”, выходивших в 50—70-х гг. В фундаментальном труде авторитетного российского ученого А. М. Васильева по истории Саудовской Аравии, опубликованном в 1982 г., о Хакимове не сказано ни слова. Другой специалист по истории международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке, А. Ю. Умнов, упоминая в 1989 г. в одной из своих статей о работе Хакимова в Саудовской Аравии, пишет о нем, как о “выходце из Средней Азии”, хотя Керим Абдрауфович был сыном башкирского крестьянина-бедняка. Эти и многие другие факты свидетельствуют, что биография К. Хакимова и некоторые детали его дипломатической работы в странах Востока в 20—30-х гг. плохо известны даже среди востоковедов и историков-международников.

К. А. Хакимов родился 28 ноября 1892 г. в деревне Дюсянево, расположенной на границе Башкирии с Оренбургской областью. С 12 лет стал работать батраком в хозяйстве соседнего бая. Несмотря на тяжелое материальное положение семьи, Керим, проявивший склонность к учебе, был отдан отцом в деревенский мектеб, где обучался арабской письменности, читал Коран и другие мусульманские религиозные книги.

В августе 1906 г. К. Хакимов покинул родную деревню в поисках заработка и, пройдя пешком 200 верст, добрался до Оренбурга, где стал рабо-

⁷⁰ ПЛДР. XVII век Т. 2. С. 575.